

КУЗЕБАЙ ГЕРД И ЕГО ПОЭТИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА ОБ УДМУРТСКОМ ЭТНОСЕ

*Шкляев А.Г.,
Удмуртский государственный университет*

Аннотация: на примере лирических стихов, рассчитанных на пробуждение удмуртов к активной общественно-политической жизни, исследуется динамика настроений, чувств и представлений выдающегося удмуртского поэта Кузубая Герда. Призывая учиться, бороться за новую жизнь удмуртов, он выражал к ним своё отношение, идеализируя их или, наоборот, подвергая критике за социальную инертность и духовную приземлённость. На смену романтически настроенным стихам поэта, в которых находят выражение его утопически окрашенные идеалы, приходят стихи, в которых чувствуется и разочарование, и суровая критика своего этноса, но и утрата иллюзий относительно того, что действительность может быть так быстро преобразована, как это хотел бы поэт-просветитель, и что этнос, который он хотел вывести на светлую дорогу жизни, не един в своих устремлениях, социально расщеплён и слишком разнороден. Находясь в Москве все 20-е годы, Герд внимательно наблюдал за событиями на своей малой родине и на все главные события откликался стихами в самых разных жанрах. Стихи его – барометр общественно-политических настроений художественной интеллигенции только что создаваемой автономной области.

Ключевые слова: Кузубай Герд, романтизм, поэтическая публицистика, этническая идентичность, образные ряды, некрасовские интонации, утрата иллюзий

Кузубай Герд – псевдоним удмуртского поэта Кузьмы Павловича Чайникова (1908-1937). В 1922-1930 гг. он учится в Высшем литературно-художественном институте имени В. Брюсова, а затем в аспирантуре Института народов Востока. Входил в литературную группу «Кузница». В своём творчестве хотел соединить революционный пафос В. Маяковского с «половодьем чувств» С. Есенина. В начале 1930-х годов вернулся в Ижевск и работал преподавателем в совпартшколе. В 1932 году арестован, обвинён по инспирированному ОГПУ «Делу «Софин», сослан на Соловки и расстрелян в урочище Медвежьегорск. Реабилитирован в 1958 году. Но и после этого о Герде ещё долго говорили вполголоса: исследователям не был доступен архив «дела поэта».

В январе 1978 года известный удмуртский поэт Флор Васильев, будучи депутатом Верховного Совета УАССР, председателем правления Союза писателей УАССР, в г. Ижевске впервые собрал в Клубе Союза журналистов литературную общественность на встречу, посвящённую памяти Кузубая Герда. Это было 80-летие со дня рождения поэта. Помню, выступая на нём, другой удмуртский поэт и учёный Даниил Яшин оценил остроту и пафос творчества поэта как «яростно активное отношение к действительности». Так он обозначил публицистическую сторону наследия Кузубая Герда.

С юных лет Герд был одержим стремлением вывести свой народ не только к счастливой и свободной жизни, но и желанием, чтобы удмурты, выйдя из нищеты и бесправия, оставались удмуртами, не теряя, говоря сегодняшним языком, своей идентичности. Подобными мыслями жили тогда просветители и других народов Поволжья. И это понятно, господствующая идеология царизма, вы-

раженная в триаде «самодержавие, православие, народность», не могла вмещать в себя империю с её многонациональностью и многоконфессиональностью: в планы царизма входили ассимиляция и обращение в православие всех так называемых инородцев России. Дума о том, чтобы народ, приступая к новой жизни, не потерял свой язык, лучшие свойства своего менталитета, добрые обычаи и самобытный образ жизни, пронизывает всё творчество Герда. Вот он, призывая свой народ встряхнуться, пробудиться к общественной жизни, пишет:

*Встань, поднимись, а затем, веря солнцу,
Стань, как италмас*,
переодеваясь в свои одежды:
Надень свой красивый айшон**,
украшенные наряды:*

*Надень на грудь звенящее серебряное монисто.
«Удмурт музъемлы» (Удмуртскому краю)****

Наряду с необходимостью просвещать свой народ, Герд непременно подчёркивает его национальное своеобразие. Идеал поэта – освобождение не только от социального и национального гнёта, но и сохранение неповторимости, оригинальности, национального достоинства своего этноса. Неслучайно, другой молодой поэт Михаил Петров, пока смотревший на жизнь только через призму классовой борьбы, обрушился на стихотворение «Айшон» К. Герда, где воспевался старинный головной убор как атрибут, как символ национального образа жизни. М. Петров именно на это стихотворение, акцентирующее внимание на национальном, а не на классовом, написал злую пародию.

Опасения Герда, что новая жизнь, увлекая удмуртов своим светом, как огонь мотыльков, может их «обжечь», не давали покоя и другим нашим

первым просветителям. Всё творчество и работа Герда были программой действия по сохранению и модернизации удмуртского этноса в новых исторических условиях. И народ, кажется, поэта понимал и ему внимал. Его имя было уже дано коммуне; его сборник «Крезьчи» (Гусляр) назвал уже «золотым клубком» удмуртской литературы молодой критик Андрей Луан (Андрей Лучкин); встречая в городе Глазове, поэта на руках пронесли от вагона до здания вокзала. Его стихи становились народными песнями. Народ испытывал духовный подъём, наполнялся верой в свои силы.

Проследим линию размышлений Герда о своём народе и сохранении его идентичности. Молодой поэт, когда он работает ещё в городе Сарапуле, – там, где временно размещался Удмуртский Комиссариат Наркомнаца, – в преддверии создания Вотской (Удмуртской) автономии, весь на романтическом подъёме. На съезде учителей, как сообщает газета «Гудыри» (Гром), Герд говорит: «Тани ми султим. Милям йыррьёсмы инме пыкисько, синьёсмы шунды кадь жуало, ми тыл пырти но, ву пырти но, жужыт гурезь йылти но кошком выль, чагыр дуннее!» – «Вот мы встали. Наши головы упираются в небо, в глазах наших солнце, мы сквозь огонь и воду, и через высокие горы пойдём в новые, голубые дали!» [1, с. 82]. Как раз эта мысль о голубых даях тоже будет вдохновлять поэта и станет темой всего его раннего творчества. Вспомним в связи с этим его переключку со своим современником В. Маяковским: «Там, за горами горя, солнечный край непечатый».

Бесконечно веря в свои силы, Герд, как и многие первые удмуртские поэты, надеялся, что его народ под влиянием революции вот-вот воспрянет и активно включится в общественно-политическую жизнь. Но новая жизнь, как представляет лирический герой Герда, всё где-то задерживалась. Мешали «старая тёмная жизнь», «упаднические настроения», удмуртский менталитет – «нам и так сойдёт», социальная пассивность. Задержки особенно чувствовались на ниве подъёма национальной культуры и национального строительства. В 1924 году «всесоюзный староста» М.И. Калинин после посещения удмуртских сёл в речи перед работниками профсоюзов в Ижевске говорил, что даже по сравнению с годами гражданской войны в решении национальных вопросов мы не ушли далеко. Но мы, сказал он тогда, сделаем всё, «чтобы защитить культуры малочисленных народов от всеокрушительного напора великих цивилизаций» [4].

Медленные темпы национально-государственного строительства очень расстраивали Герда, и причины этого он видел в социальной инертности масс и бюрократизме властных структур. Бу-

дучи на культурной работе в Сарапуле, он обращался пока к своим читателям, то призывая их поскорее проснуться к новой жизни, то ругая их за нерасторопность, то, наоборот, заступаясь за них... Вот он пытается объяснить нерешительность удмурта. Защищая его от упреков, он считает, что его давят пока прошлые страдания:

*Если бы собрать его слёзы –
Целое море бы образовалось.*

*Если бы его горе собрать,
То бы целая гора поднялась.*

«Ой, тырос...» (Ой, очень много...)

Вот он ласково, как бы упрасивая, обращается к родине, а равно к своему народу:

*Мой удмуртский край, не спи уже, хватит,
Холодная зима уже миновала.*

«Султы, Удмуртлыке!»

(Поднимись уже, Удмуртский край)

Поэт снова и снова пытается объяснить удмуртам, почему они стесняются ещё нового: «Когда смотришь на солнце, глаза боятся». При этом он обращается и к удмуртской девушке, и к удмуртскому парню, и к национальным работникам, и ко всем своим друзьям. Словно социолог, он видит свою читательскую аудиторию дифференцированно и к каждому её сегменту, как теперь пишут, старается находить свои убедительные слова.

Любимые друзья!

Встаньте все,

Чтобы удмуртов из лесов выводить.

Навстречу им идти спешите,

Вести туда, где всходит солнце.

«Сьод пилемъёс» (Чёрные тучи)

При встрече с трудностями, поэт призывает своих читателей не опускать голову:

Думая, что пришли тяжёлые дни,

Почему вы приуныли?

Солнце потухло? Так думая,

Почему впадаете в горе.

"Тулъс вуоз» (Весна придёт)

Он утешает и успокаивает:

Не плачь, мой друг, не сокрушайся,

Показывай, как наступит светлый день:

Эта тёмная ночь когда-нибудь закончится –

Светлый день когда-то настанет.

«Чыдэтском» (Отдохнём)

А когда Герд видит, что удмурты

всё ещё дремлют, он их клянёт:

Так и надо нам,

С давних времён униженному народу:

Не можем мы своих

недоброжелателей ненавидеть,

Нашу свободу, настоящую жизнь любить.

«Чик юнме быро» (Зря гибнут)

Он ругает народ:

На просторах своего края, как девушка, спишь,

*Кто-то к тебе придёт, думая, всё ждёшь.
Сам поднимайся, не жди!
Сам выйди на солнце,
Никто к тебе не придёт -
Зачем кому-то веришь.*

"Удмурт музъемлы" (Удмуртскому краю)

Почти рефреном в разных вариантах звучат у Герда интонации, которые перекликаются с некра-совскими стихами, обращёнными к русскому народу: «Ты проснёшься ль, исполненный сил, Иль, судеб повинясь закону, Всё, что мог, ты уже совершил. Создал песню, подобную стону, И духовно навеки почил?..»

Всею силой своего таланта, прибегая к жанрам памфлета и басни, Герд обрушивается на тех, кто не уважает своей культуры, родной язык, кто против того, чтобы своего ребёнка учить в удмуртской школе, кто против удмуртской автономии, кто не хочет сообща, в единстве, работать, кто, едва выходя из своей среды, становится высокомерным и «заболевает» национальным нигилизмом. Так на страницы «Гудыри» (Гром) приходят мощные по художественной силе сатирические стихи «Парсь» (Свинья), «Воз» (Воз), «Пагза» (Лестница), «Пуныос» (Собаки). Герд не чурался вносить в свои стихи и темы, далёкие от поэзии. Стихами он пишет о том, что пионеры в деревне для подписки на газету «Гудыри» собрали пуд муки, а когда узнаёт, что некто учитель Шамшурин оклеил газетой стены своего дома, он пишет памфлет «Тараканъёсты дышетисьёс» (Учителя тараканов).

Герд был одним из тех удмуртских поэтов, кто со всей страстью, с большой художественной силой бередил душу своего читателя. Он его утешал, вдохновлял, заставлял горевать, плакать, он его окрылял, ругал, проклинал. Он, можно сказать, «мял» душу удмурта, словно тесто, и призывая его быть сильным и просвещённым. В некоторых стихах мы видим и его самобичевание. Пройдут годы, и Герд напишет:

*А ты, сердце?
Почему ты
Тихо живёшь?
Ты рыхлое,
Как мягкое тесто...
Ну, встань!
Будь твёрдым
В это время!
Ты слышишь?
Гремит то здесь,
То там
Новый гром!*

«Мынам кулонэ» (Моя смерть).

Когда Герд уже оказался под огнём несправедливой, вульгарно-соцтологической критики, и его

сородичи, к кому он обращался с надеждой на заступничество, сами его травили, написал в письме своему современнику и стороннику Александру Эрику (Александр Наговицын) горькие строки: «Удмуртъёс полын секыт улыны, удмуртъёс полын секыт кулыны» (Среди удмуртов тяжело жить, среди удмуртов тяжело умирать) [6, с. 313]. Это были слова страшного отчаяния и разочарования в тех, в кого он верил и кому много доброго сделал. В этот период поэт, чувствуя себя крайне одиноким и непонятым, обращается к друзьям, и это, можно сказать, его завещание коллегам, претендующим на звание поэта [6, с. 416].

Поэт,

*Если нет понимающего
Написанные тобой стихи,
А если тебя самого
Травят все давно, –
Вырви горячее сердце своё,
Прибей тёмной ночью
К полевым воротам:
Пусть горит днём и ночью:
Пусть светит и утром, и вечером.
Видя пламя в темноте,
Выйдет (на него) заплутавшийся путник...
Неужели и тогда не найдётся
Тебя понимающий,
Поэт?*

«Кылбурчи» (Поэт).

После десяти лет борьбы Герда за то, чтобы образумить и вывести свой народ на «светлую дорожку жизни» (так называлась первая пьеса поэта), судьба ещё раз предоставила К. Герду возможность осмыслить свои чувства, обобщить переживания и сделать свои выводы. В 1932 году К. Герд был вызван в Нижний Новгород, арестован там Нижегородским ОГПУ, и первым делом ему было предложено раскрыть свои взгляды на национальные проблемы. Как искренний человек он написал на десятке страниц всё, что у него было на душе. Поскольку текст был написан не следователем со слов допрашиваемого, а собственной рукой поэта, то его можно считать исповедью, самостоятельным произведением и подлинной публицистикой. Поэт как бы сам себя допрашивал и отвечал во внутреннем монологе:

«Осуждал ли я проводимую по отношению к восточным финнам национальную политику?»

– Да!

Я против коллективизации, индустриализации и социализма?

– Нет. Но они не должны быть разрушающим началом для национального политического бытия и национальной культуры восточных финнов. Колхозы, совхозы, индустриальные центры должны стать центром действительно новой нацио-

нальной культуры. А этого нет. Есть только центры травли и разрушения нацкультуры и преследования преданных этой культуре работников.

Отрицал ли я советскую власть?

– Нет. Советская власть – система наиболее подходящая для восточных финнов, так как она привлекает к государственно-политической жизни самые глубокие слои населения. А это значит – залог успеха, прогресса» [5, с. 23].

«Мы на грани, – писал Герд в статье «Вотьяк в своих песнях», побаиваясь ускоренной ассимиляции своего этноса, ратуя за его сбережение в условиях разворачивающейся глобализации и призывая его поскорее встать в ряд цивилизованных народов, – всему на свете даётся своё время, если не сейчас, то потом – никогда».

* купальница – особо почитаемый удмуртами цветок

** праздничный национальный головной убор удмуртской женщины

*** для более адекватной передачи смысла здесь и далее стихи даются в подстрочном переводе автора статьи.

Литература

1. Валтон А. Художественная литература в движении родственных народов. Рецепция Кузубая Герда в Эстонии // Кузубай Герд и современность: Материалы международной научно-практической конференции Ижевск, 31 марта – 2 апреля 2008. Ижевск: Национальная библиотека Удмуртской Республики, 2008. С. 17 – 19.

2. Герд Кузубай. Люкам сочинениос. Куать томен 3-ти том: Веросьёс, повесть, пьесаос, статьяос, научной ужьёс, гожтэттьёс / Люказ, азыкыл гожтиз но валэктонъёс сётиз Ф.К. Ермаков. Ижевск: Удмуртия, 2004. С. 313.

3. Герд Кузубай. Люкам сочинениос. Собр. соч.: в 6-ти т. Т. 4. Стихотворения, поэмы, переводы, статьи, научные работы, письма / сост., авт. предисл. коммент. Ф.К. Ермаков. Ижевск: Удмуртия, 2004. С. 169.

4. Ермаков Ф.К. Светлой памяти гениального сына удмуртского народа Кузубая Герда – Кузьмы Павловича Чайникова – к 110-летию со дня рождения и 50-й годовщине реабилитации // Кузубай Герд и современность: Материалы международной научно-практической конференции Ижевск, 31 марта – 2 апреля 2008 г. Ижевск: Национальная библиотека Удмуртской Республики. 2008. С. 7 – 11.

5. История удмуртской советской литературы: в 2-х т. / Кол. Авторов. ИМЛИ им. А.М. Горького

АН СССР; НИИ при СМ УАССР. Устинов: Удмуртия, 1987. Т. 1. С. 82.

6. Калинин М.И. Интеллигенция, рабочий класс и крестьянство. Стенограмма речи тов. Калинина на торжественном заседании представителей профессиональных организаций гор. Ижевска 26 ноября // Ижевская правда. 1924. 30 ноября.

7. Кузнецов Н.С. Из мрака... Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1994. С. 20 – 23.

8. Степанова Т.С. К истории исследования рукописей Кузубая Герда и современность // Материалы международной научно-практической конференции Ижевск, 31 марта – 2 апреля 2008 г. Ижевск: Национальная библиотека Удмуртской Республики, 2008. С. 74 – 79.

9. Шкляев А. Чашьём нимъёс. Ижевск: Удмуртия, 1995. С. 448.

10. Шкляев А.Г. Технология провокационных проектов в межнациональной сфере в 1930-е гг. (Дело «СОФИН» и разгром финно-угорской интеллигенции) // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. Вып. 18. С. 254 – 258.

References

1. Valton A. Hudozhstennaja literatura v dvizhenii rodstvennyh narodov. Recepcija Kuzebaja Gerda v Jestonii. Kuzebaj Gerd i sovremennost': Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii Izhevsk, 31 marta – 2 aprilja 2008. Izhevsk: Nacional'naja biblioteka Udmurtskoj Respubliki, 2008. S. 17 – 19.

2. Gerd Kuzebaj. Ljukam sochinenios. Kuat' tomen 3-ti tom: Veros#jos, povest', p'esaos, stat'jaos, nauchnoj uz#jos, gozhtjet#jos. Ljukaz, az'kyl gozhtiz no valjekton#jos sjotiz F.K. Ermakov. Izhevsk: Udmurtija, 2004. C. 313.

3. Gerd Kuzebaj. Ljukam sochinenios. Sobr. soch.: v 6-ti t. T. 4. Stihotvorenija, pojemy, perevody, stat'i, nauchnye raboty, pis'ma. sost., avt. predisl. komment. F.K. Ermakov. Izhevsk:Udmurtija, 2004. S. 169.

4. Ermakov F.K. Svetloj pamjati genial'nogo syna udmurtskogo naroda Kuzebaja Gerda – Kuz'my Pavlovicha Chajnikova – k 110-letiju so dnja rozhdenija i 50-j godovshhine rehabilitacii. Kuzebaj Gerd i sovremennost': Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii Izhevsk, 31 marta – 2 aprilja 2008 g. Izhevsk: Nacional'naja biblioteka Udmurtskoj Respubliki. 2008. S. 7 – 11.

5. Istorija udmurtskoj sovetskoj literatury: v 2-h t. Kol. Avtorov. IMLI im. A.M. Gor'kogo AN SSSR; NII pri SM UASSR. Ustinov: Udmurtija, 1987. T. 1. S. 82.

6. Kalinin M.I. Intelligencija, rabochij klass i krest'janstvo. Stenogramma rechi tov. Kalinina na torzhestvennom zasedanii predstavitelej profesional'nyh organizacij gor. Izhevskaja 26 nojabrja. Izhevskaja pravda. 1924. 30 nojabrja.

7. Kuznecov N.S. Iz mraka... Izhevsk: Izd-vo Udm. un-ta, 1994. S. 20 – 23.

8. Stepanova T.S. K istorii issledovanija rukopisej Kuzebaja Gerda i sovremennost'. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii Izhevsk,

31 marta – 2 aprelja 2008 g. Izhevsk: Nacional'naja biblioteka Udmurtskoj Respubliki, 2008. S. 74 – 79.

9. Shkljaev A. Chash#em nim#jos. Izhevsk: Udmurtija, 1995. C. 448.

10. Shkljaev A.G. Tehnologija provokacionnyh proektov v mezhnacional'noj sfere v 1930-e gg. (Delo «SOFIN» i razgrom finno-ugorskoj intelligencii). Dokument. Arhiv. Istorija. Sovremennost': sb. nauch. tr. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2018. Vyp. 18. S. 254 – 258.

KUZEBAY GERD AND HIS POETIC JOURNALISM ABOUT THE UDMURT ETHNOS

*Shklyayev A.G.,
Udmurt State University*

Abstract: on the example of lyrical poems designed to awaken Udmurts to an active socio-political life, the dynamics of moods, feelings and ideas of the outstanding Udmurt poet Kuzebai Gerd is investigated. Calling on Udmurts to study and fight for a new life, he expressed his attitude towards them, idealizing them or, conversely, criticizing them for social inertia and spiritual mundanity. The poet's romantic-minded poems, in which his utopian ideals find expression, are replaced by poems in which one feels both disappointment and harsh criticism of one's ethnos, but also the loss of illusions that reality can be transformed as quickly as the poet-educator would like, and that the ethnos and that the ethnos, which he wanted to lead to a bright path of life, is not united in his aspirations, is socially stratified and too heterogeneous. Kuzebai Gerd's poems can also be considered as a barometer of the socio-political sentiments of the artistic intelligentsia of the newly created autonomous region. Being in Moscow all the 20s, Gerd carefully watched the events in his small homeland and responded to all the main events with poems in a variety of genres.

Keywords: Kuzebay Gerd, romanticism, poetic journalism, ethnic identity, figurative series, Nekrasov intonations, loss of illusions